

УДК 343.9.02
ББК 67.518.4

П.В. Агапов
*кандидат юридических наук, доцент,
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье проведено криминологическое исследование понятия, состояния, динамики и тенденций организованной преступности. Раскрыт процесс оформления организованной преступности в России. Организованная преступность рассмотрена как негативное социальное явление, характеризующееся сплочением криминальной среды для систематического осуществления преступной деятельности в целях извлечения материальной выгоды, в подавляющем большинстве случаев – сверхприбыли. Организованные преступные формирования признаны особой формой социальной организации индивидов, имеющих определенные материальные цели и интересы и объединенных противоправным способом их достижения и удовлетворения. Отмечено, что конечной целью лиц, вовлеченных в организованную преступность, является эффективное влияние на государственные и общественные институты, обладание политической властью. Раскрыты особенности организованной преступности в условиях глобализации: активное распространение влияния за рамками национальных границ; укрепление финансово-экономических позиций в зарубежных странах; нацеленность на различные сферы экономики (кредитно-финансовую сферу, металлургический, топливно-энергетический комплексы, лесную промышленность, рынок ценных бумаг, производство и реализацию алкогольной и табачной продукции). В качестве негативных тенденций показан социально-психологический процесс интенсивного привыкания населения к формам – организованной и коррупционной – преступности.

Ключевые слова: преступность; организованная преступность; понятие и признаки организованной преступности; тенденции организованной преступности; транснациональная преступность; коррупционная преступность.

P.V. Agapov
*Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*

ON MAIN TRENDS IN ORGANIZED CRIME IN RUSSIA

The article provides a criminologic research on definition, situation, dynamics and trends of organized crime. The author reveals the process of organized crime formation in Russia. Organized crime is studied as a negative social phenomenon that is described by criminal society unity for the purpose of systematic criminal activity with the aim of pecuniary gain (mostly excessive). Organized criminal groups are considered as a special form of social unity of people with certain economical aims and interests who are united by the illegal way of its satisfaction. It is mentioned that the ultimate purpose of people involved in organized crime is the effective influence on state and social institutes with political power. The author discovers special aspects of organized crime in terms of globalization: active extension of influence beyond national borders; financial consolidation in foreign countries; determination on different economic spheres (credit and financial, metallurgic, fuel and energy industry, timber industry, stock market, alcohol and tobacco production and sales). Social and psychological process of people's intense adjustment to organized and corruption crime is considered as a negative trend.

Key words: crime; organized crime; definition and features of organized crime; organized crime tendencies; global crime; corruption crime.

Криминологическое исследование организованной преступности неизбежно ставит перед учеными ряд проблем. Во-первых, чрезвычайно трудно дать ее четкое определение, ибо, как верно отмечено Я.И. Гилинским, организованная преступность – это сложный социальный феномен. Возникнув, она так переплелась с другими социальными институтами и процессами, так прочно вросла в общественную ткань, что с трудом может быть из нее вырвана для изучения. Сложность и многогранность проблемы разработки понятия организованной преступности уже отмечались многими авторами [2, с. 48]. Сегодня стало очевидно, что криминологии, изучающей преступность и ее конкретные разновидности, уже не под силу познать сущность организованной преступности без использования знаний иных отраслей наук (социологии, социальной психологии и др.). Только комплексный подход выступает надежной методологической основой, предполагающей наиболее глубокое погружение в исследуемую проблематику.

Во-вторых, отвлечение от стереотипов (штампов) и рассмотрение организованной преступности не только как «злокачественной опухоли» современного российского общества довольно часто вводят ученых в соблазн проанализировать и ее «социально полезные» функции. Поиск в этом направлении приводит некоторых криминологов к выводу о том, что организованная преступность, равно как и коррупция, – наши неизбежные спутники, и с этим нужно смириться.

В-третьих, вопрос о возможностях общества и государства в борьбе с организованной преступностью и полной победе над ней стал для отечественных исследователей равносильным вопросу о познании мира в философии.

Факт существования организованной преступности в нашей стране впервые был подтвержден специалистами в конце 1980-х гг. В опубликованной в «Литературной газете» статье Ю. Щекочиной «Лев прыгнул», основанной на беседе с А.И. Гуровым, обращалось внимание на то, что мафия – не красивый образ, а реальность, с которой столкнулось наше общество [14]. К выводу о существовании в Советском Союзе организованной преступности пришли и научные сотрудники Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, ВНИИ МВД и Омской высшей школы милиции, осуществлявшие криминологические исследования независимо друг от друга. В дальнейшем, благодаря созданной в

1991 г. Криминологической ассоциации во главе с профессором А.И. Долговой, удалось объединить усилия криминологов разных ведомств и регионов России и направить их на более основательное изучение российской организованной преступности.

В наиболее обобщенном виде организованная преступность представляет собой негативное социальное явление, характеризующееся сплочением криминальной среды для систематического осуществления преступной деятельности в целях извлечения материальной выгоды, в подавляющем большинстве случаев – сверхприбыли. «Организованная преступность, – пишет Я.И. Гилинский, – выступает, прежде всего, как предпринимательство, бизнес, индустрия, производство товаров и (или) услуг. Ее главной целью является экономическая выгода, прибыль».

В этом отношении организованные преступные формирования можно рассматривать «как новую особую форму социальной организации индивидов, имеющих определенные материальные цели и интересы и объединенных противоправным способом их достижения и удовлетворения». Однако конечной целью лиц, вовлеченных в организованную преступность, как показывает опыт системного анализа, является эффективное влияние на государственные и общественные институты, обладание политической властью. К такому выводу приходят многие исследователи. Так, В.Д. Ларичев, А.В. Покаместов и В.Ф. Щербаков сходятся во мнении, что помимо получения сверхприбылей (корыстных целей) российская организованная преступность стремится к достижению необходимых государственно-властных полномочий (политических целей) и обеспечению клановых интересов (религиозных, национальных, профессиональных) [8; 12].

Как отмечалось в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, основными факторами, способствующими росту преступности, особенно ее организованных форм, явились серьезные просчеты, допущенные на начальном этапе проведения реформ в экономической, военной, правоохранительной и иных областях государственной деятельности, ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, а также снижение духовно-нравственного потенциала общества. Увеличение степени воздействия этой угрозы

связывалось с отсутствием эффективной системы социальной профилактики правонарушений, недостаточной правовой и материально-технической обеспеченностью деятельности по предупреждению организованной преступности, оттоком из органов обеспечения правопорядка квалифицированных кадров.

В последние 20–25 лет организованная преступность стала одним из значимых дестабилизирующих факторов общественной жизни в России. Криминальная экспансия сегодня в той или иной степени затронула большинство жизненно важных отраслей экономики страны. Под контролем организованных групп и преступных сообществ находятся свыше 4 тыс. объектов экономики, в том числе ряд градо- и бюджетобразующих предприятий.

Для создания благоприятных условий осуществления своей деятельности организованные преступные структуры проявляют повышенный интерес к установлению коррупционных отношений и проникновению в органы власти и управления. Это подтверждает, в частности, анализ недавних событий в станице Кущевской Краснодарского края, позволяющий сделать неутешительный вывод об опаснейших тенденциях слияния (своеобразного симбиоза) организованной преступности с коммерческими и властными структурами, когда криминалом контролируются социальные, экономические и политические процессы в регионе.

В условиях глобализации организованная преступная деятельность приобретает ряд качественно новых параметров. Стремясь получить дополнительные доходы, преступные сообщества активно распространяют свое влияние за рамки национальных границ, укрепляя финансово-экономические позиции в зарубежных странах. Не снижается активность так называемых воров в законе и других авторитетов преступного мира, выполняющих координирующие функции в процессе противоправной деятельности.

Все эти обстоятельства выступают факторами, препятствующими укреплению положения страны на международной арене, отмечаются мировым сообществом в числе причин ненадежности России как стратегического партнера.

По сведениям, озвученным в 2011 г. на заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, в настоящее время на оперативном учете состоит 380 органи-

зованных преступных формирований общей численностью 9 тыс. участников. В 2012 г. членами организованных групп или преступных сообществ совершено 17,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+2,4 %), при этом их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 5,2 % в январе – декабре 2011 г. до 5,7 %.

Уже неоднократно говорилось о том, что организованная преступность способна взять на себя функции, в которых нуждаются некоторые социальные группы. При этом речь не всегда идет о потребностях (товарах, услугах), запрещенных законом. Возьмем, к примеру, такое явление нашей современной действительности, как «крышевание» легального бизнеса. В числе услуг, которые опекаемая фирма или лицо получают в результате этого, наряду с защитой от притязаний (вымогательств, нападений и пр.) других криминальных структур, предлагается также возможность обеспечения гарантированного исполнения торговых сделок, взыскание долгов с должников, улаживание споров с партнерами по бизнесу (функции своеобразного «третейского» суда). Тем самым организованная преступность стремится заполнить вакуум тех услуг, которые государство не может в полном объеме обеспечить на данном этапе развития, восполняя существующие недостатки системы государственного регулирования экономической и налоговой деятельности, а также деятельности правоохранительных органов и правосудия.

Да, конечно, сегодня существуют многочисленные частные охранные предприятия, коллекторские агентства и пр. Но данные организации используют законные средства, что сопряжено с длительными судебными тяжбами и иными неэффективными методами воздействия на контрагентов, тогда как для коммерческой структуры необходимо оперативно решать все возникающие проблемы. В противном случае в условиях жесточайшей конкуренции, нестабильности экономических отношений и т.п. промедление ставит под угрозу успех функционирования всего бизнеса. Именно поэтому коммерсанты и вынуждены зачастую обращаться за помощью к криминальным структурам, которые в течение короткого периода времени могут, например, «выбить» долг или «разрулить» иную возникшую проблему.

Таким образом, основной тенденцией развития современной российской организованной преступности является ее нацеленность на

сферу экономики. Наиболее уязвимые в этом смысле кредитно-финансовая сфера, металлургический, топливно-энергетический комплекс, лесная промышленность, рынок ценных бумаг, производство и реализация алкогольной и табачной продукции.

По словам Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки, сегодняшняя преступность перестает быть откровенно бандитской, а становится «беловоротничковой», но от того не менее опасной. Криминальные структуры умело используют пробелы в законодательстве, стремясь при этом придать своей деятельности внешне легальный характер. Так, несколько лет назад началась волна так называемых недружественных захватов бизнеса (рейдерство), осуществляемых, как правило, с целью его дробления и перепродажи. Только в 2002 г. в России произошло 1 870 поглощений, из которых 76 % были охарактеризованы аналитиками как недружественные. Силовые поглощения предприятий превратились в сверхдоходный бизнес: рентабельность подобного промысла может достигать до 1 000 %. В ход идут административное давление, фальсификация документов, подкупы чиновников и судей. Это приводит к прекращению хозяйственной деятельности предприятия, сокращению рабочих мест, снижению налоговых сборов и другим негативным экономическим последствиям. Следует отметить, что рейдерские захваты нередко входят в орбиту экономических интересов организованных преступных формирований.

В качестве примера можно привести преступную группу Костарева – бывшего председателя совета директоров и члена правления ЗАО «АКБ «Ореолкомбанк», одного из самых одиозных рейдеров Свердловской области. Как установили органы предварительного расследования, Костарев, находящийся под патронажем лидеров преступного сообщества «Уралмаш», вовлек в преступную деятельность несколько десятков лиц, обладающих специальными познаниями в различных сферах хозяйственной деятельности, включая арбитражных управляющих, юристов и экономистов. Преступниками осуществлялись силовые захваты и удержания территории, имущественного комплекса промышленных предприятий с использованием частных охранных структур, оснащенных огнестрельным оружием и специальными средствами [5].

В специальных научных исследованиях организованной экономической преступности

отмечается, что высокая эффективность (с экономической точки зрения) деятельности преступных объединений во многом предопределяется отсутствием ограничений в способах получения прибыли. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, они не платят налогов (если, конечно, не считать своеобразным налогом часть средств, выделяемых на коррупцию) и поэтому находятся в более выигрышном положении по сравнению с легальными предприятиями. Во-вторых, преступное объединение в процессе своей деятельности оперирует наличными средствами, движение которых сложно проконтролировать. В результате оно получает дополнительные преимущества перед субъектами законной предпринимательской деятельности в плане использования полученной прибыли. В-третьих, организованная преступность не ограничена в поисках новых ниш экономической деятельности: здесь реализуются самые дерзкие и изощренные «проекты» (например, торговля людьми или их органами для трансплантации, сексуальная эксплуатация, порноиндустрия и др.). В-четвертых, преступные организации ведут экономическую борьбу по принципу «цель оправдывает средства», в связи с чем субъекты законной предпринимательской деятельности им просто не в состоянии противостоять [3, с. 41].

Какими бы привлекательными и высокодоходными ни были направления преступной деятельности, все вовлеченные в нее лица стремятся со временем к легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, добытых преступным путем. Согласно ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, – придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления, за исключением преступлений, предусмотренных ст. 193, 194, 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ.

Логика развития организованной преступной деятельности предполагает: создание и наращивание преступного капитала; легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и внедрение их в легальный бизнес; обеспечение безопасности и эффективности оборота легализованных денежных средств или иного имущества; получе-

ние с них дохода и их использование с целью дальнейшего закрепления и развития в различных сферах жизнедеятельности.

Практически все специалисты, изучающие организованную преступность, ее особенности и конкретные проявления, обращают внимание на ее теснейшую взаимосвязь с коррупцией. Так, В.Е. Эминов считает коррупционные связи основной фоновой тенденцией современной российской организованной преступности, определяющей ее специфику [15, с. 27]. По словам Е.В. Топильской, сегодня не существует ни одного организованного преступного объединения, члены которого не установили бы и не поддерживали связи с должностными лицами правоохранительных органов и органов государственной власти, причем связи долгосрочные и прочные, как правило, на материальной основе, реже – на основе дружеских отношений или шантажа, не пренебрегая при этом и разовыми, единичными подкупами чиновников и «силовиков».

Конвенция ООН против коррупции (подписана от имени Российской Федерации 9 декабря 2003 г. в г. Мерида, Мексика) в числе уголовно наказуемых деяний, связанных с коррупцией, указывает: подкуп национальных публичных должностных лиц, иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом, злоупотребление влиянием в корыстных целях, злоупотребление служебным положением, подкуп и хищение имущества в частном секторе, отмывание доходов от преступлений и воспрепятствование отправлению правосудия.

Несколько иное определение коррупции предлагает современное российское законодательство: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Существует множество форм коррупционных проявлений: взяточничество, протекционизм, лоббизм и др. Наиболее часто коррупция проявляется в сферах, связанных с недвижимостью, городским хозяйством, образованием. Первенство среди привлекаемых к ответственности коррумпированных лиц занимают государственные чиновники разного уровня (40 %). Кроме того, это сотрудники правоохранительных органов (25 %), работники кредитно-финансовой системы (12 %), служащие контрольных органов (9 %), сотрудники таможенной службы (3–4 %), депутаты (0,8 %), прочие лица (7–8 %).

Вместе с тем проводимые социологические исследования показывают, что, считая коррупцию весьма распространенным явлением, граждане нашей страны не склонны видеть в этом первостепенную проблему. Так, согласно опросу, проведенному 18–24 февраля 2008 г. центром «Социальная Механика», почти половина респондентов полагает, что за последние пять лет уровень коррупции вырос, однако наиболее значимы для них совсем другие проблемы: повышение цен (27 %), состояние дорог (14,2 %), плохое качество медицинского обслуживания (13,7 %). Интересно, что значительная часть населения (в основном молодежь) воспринимают коррупцию не как проблему, а, наоборот, как дополнительную возможность: 22,4 % респондентов от 18 до 34 лет расценивают коррупцию как способ решения проблем (при среднем по выборке значении в 16,3 %).

Одной из характерных черт современной организованной преступности является ее транснациональный характер. По свидетельству исполнительного директора Управления ООН по наркотикам и преступности А.М. Коста, транснациональная преступность превратилась в угрозу миру, развитию и даже суверенитету государств. Преступники используют не только оружие и насилие, но также деньги и различные средства подкупа, чтобы влиять на результаты выборов, подчинить себе политиков, власти и даже армию.

В научной литературе транснациональная организованная преступность рассматривается как наиболее рациональная и профессиональная часть криминального поведения. Организованные преступники способны учиться на своем и чужом опыте, обладают стратегическим видением ситуации и ее возможным развитием, часто прибегают к помощи высококлассных специалистов, используют самые со-

временные технологии и изощренные методы [9, с. 603–604].

Транснациональный характер организованной преступности напрямую связан с процессом глобализации, под которым понимается распространение капитализма по всему миру, мировое разделение труда, миграция денежных, человеческих и производственных ресурсов в масштабах всей планеты, стандартизация экономических и технологических процессов, сближение культур разных стран – другими словами, всемирная экономическая, политическая и культурная интеграция.

Глобализация несет в себе ряд отрицательных последствий для мирового сообщества (неслучайно и массовое движение антиглобалистов). В частности, свободная, зачастую нерегулируемая миграция людей, смягчение пограничного контроля, свободное перемещение капиталов за границу, уменьшение власти государств по отношению к своим гражданам и т.д. выступают детерминантами криминальной глобализации. Как результат – резкий рост числа сетевых структур транснациональной организованной преступности, увеличение их организационной гибкости и мобильности, интернационализации и кооперации, расширение географии, повсеместное использование новых технологий, расширение видов криминальной деятельности [6, с. 35].

Не случайно в международно-правовых документах процесс глобализации связывают с диверсификацией (разнообразием, разностороным развитием) организованной преступности. Как отмечается в справочном документе, подготовленном к 11-му Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, 18–25 апреля 2005 г.), диверсификация преобладающих в той или иной стране условий, видов и последствий деятельности преступных групп, их структуры, взаимодействия и используемых методов является в последнее десятилетие главной тенденцией глобального развития организованной преступности.

Таким образом, транснационализацию организованной преступной деятельности, т.е. ее выход за границы национальной территории одного государства, в настоящее время можно рассматривать как международный процесс, «один из высших уровней криминальной эволюции» [7, с. 53]. Еще одна характерная тенденция – это возрастание активности и влияния «этнических» преступных объединений.

Общеизвестно, что отдельные виды криминального промысла контролируются преступными группировками одной национальности. Среди старейших «этнических» группировок эксперты выделяют цыганскую, армянскую, грузино-абхазскую, чеченскую, дагестанскую и ингушскую. Все чаще в оперативных сводках появляются сведения о совершении преступлений китайскими, вьетнамскими, таджикскими, нигерийскими и другими «этническими» группировками, активно «осваивающими» Россию.

Эта проблема стала настолько заметной, что Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» в целях гармонизации межнациональных отношений, укрепления единства многонационального народа Российской Федерации и обеспечения условий для его полноценного развития Правительству Российской Федерации совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации поручено разработать комплекс мер, направленных на активизацию работы по пресечению деятельности организованных преступных групп, сформированных по этническому признаку.

Криминальная специализация данных преступных формирований обусловлена в первую очередь устоявшимися тенденциями распределения сфер влияния. Немаловажную роль в этом играют и особенности национального характера. Своей спецификой отличается и механизм формирования «этнических» криминальных структур. В его основе лежит принцип клановости, землячества; во главу структурных единиц выбираются старейшины, выполняющие роль лидеров и «авторитетов», а соподчиненность определяется состоянием межличностных отношений [1, с. 36–38].

В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении участников организованной группы «Ингуши», действовавшей в 2010–2011 гг. в Кемеровской области и специализировавшейся в основном на имущественных преступлениях (грабежах, разбоях, вымогательствах). Лидер преступной группы – Измаилов – лично выбирал объекты для совершения преступления, планировал его место и время, определял роль каждого из участников, поддерживал жесткую дисциплину и иерархию внутри группы вплоть до применения физического насилия к ее членам. Во избежание прослушивания телефонных переговоров основные участники группировки общались между собой на

темы, связанные с криминальной деятельностью, исключительно на ингушском языке.

Вызывает серьезную озабоченность стремление лиц, занимающихся преступной деятельностью, распространить выгодную им идеологию на все сферы жизни общества. Организованная преступность наступает на общество путем непосредственного «криминального заражения» части населения, использования механизмов прямого инструктирования, внушения, подражания. Криминальной средой предлагается широкий набор своих нравственных, «правовых», этических и даже философских идей, оправдывающих преступность и составляющих базу для субкультуры этой среды [11, с. 17].

Средства массовой информации открыто пропагандируют образ жизни криминальных лидеров, отмечают их «благородство», противопоставляют их работникам правоохранительных органов. Это вполне объяснимо, учитывая то обстоятельство, что представители организованной преступности на определенном этапе стремятся создать себе социально-положительный имидж и придерживаются его в дальнейшем. Таким людям не чужда светская слава, они охотно позируют перед телекамерами и даже занимаются благотворительностью (как не вспомнить здесь известного американского гангстера Аль Капоне, открывшего в разгар Великой депрессии бесплатные столовые для бездомных и безработных). Более того, в последние годы происходит практически открытое продвижение криминалом своих ставленников в органы законодательной и исполнительной власти различного уровня.

В стране идет социально-психологический процесс интенсивного привыкания насе-

ления к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым формам – организованной и коррупционной. Осознание обыденности криминала порождает безысходность и ощущение бесполезности борьбы с ним. А значительное число людей воспринимает криминальный путь решения жизненных проблем почти нормальным. Иначе не выжить – убеждены они [10, с. 98]. Такого рода тенденции в сочетании с увеличивающимся разрывом реальных доходов и привлекательных жизненных стандартов обуславливают интенсивное вовлечение ранее благополучных в социальном отношении слоев населения в преступную деятельность.

Таким образом, организованная преступность в современной России представляет собой сложный социально-экономический феномен, отличающийся многообразием проявлений, множеством внутренних составляющих и существующих между ними взаимосвязей. В последнее время помимо основной цели, преследуемой лицами, вовлеченными в организованную преступную деятельность, – получения прибыли (сверхприбыли) прослеживается и стремление к влиянию на государственные и общественные институты, обладанию политической властью. Другими важными тенденциями организованной преступности выступают нацеленность на сферу экономики; стремление к легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем; теснейшая взаимосвязь с коррупцией; транснациональный характер; возрастание активности и влияния «этнических» преступных объединений; формирование идеологии организованной преступной деятельности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геворгян Г. Преступные этнические формирования / Г. Геворгян // Законность. – 1999. – № 9. – С. 36–38.
2. Гриб В.Г., Ларичев В.Д., Федотов А.И. Организованная преступность – различные подходы к ее пониманию / В.Г. Гриб, В.Д. Ларичев, А.И. Федотов // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 48–53.
3. Дмитриев О.В. Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной системы хозяйствования / О.В. Дмитриев ; отв. ред. М.П. Клейменов. – М., 2005.
4. Долгова А.И. Закономерности преступности, организованная преступность и криминология / А.И. Долгова // Преступность, криминология, криминологическая защита / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долгой. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2007.
5. Дятловская Е. На лидера ОПГ «Уралмаш» заведено новое дело [Электронный ресурс] / Е. Дятловская. – Режим доступа: http://www.infox.ru/business/crime/2009/02/18/Na_lidyera_Uralmasha.phtml.
6. Квашис В. Преступность как глобальная угроза / В. Квашис // Юридический мир. – 2005. – № 10.
7. Кулик В.Б. Организованная преступность как социальное и правовое явление / В.Б. Кулик. – М., 2005.
8. Ларичев В.Д., Покаместов А.В., Щербаков В.Ф. Понятие и особенности организованной преступной деятельности в сфере экономики / В.Д. Ларичев, А.В. Покаместов, В.Ф. Щербаков // Государство и право. – 2003. – № 12.
9. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 2005. – 912 с.

10. Лунеев В.В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз / В.В. Лунеев // Организованная преступность, терроризм и коррупция : криминол. ежекв. альм. – М. : Юрист, 2003. – Вып. 3. – С. 95–109.
11. Овчинский В.С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / В.С. Овчинский. – М., 1994.
12. Покаместов А.В. Ответственность за организацию преступной деятельности / А.В. Покаместов ; под науч. ред. проф. В.П. Ревина. – М., 2002. – 130 с.
13. Третьяков В.И. Организованная преступность в России: понятие, признаки / В.И. Третьяков // Российский следователь. – 2008. – № 7. – С. 31–32.
14. Щекочихин Ю., Гуров А. Лев прыгнул / Ю. Щекочихин, А. Гуров // Литературная газета. – 1988. – 20 июля.
15. Эминов В.Е. Концепция борьбы с организованной преступностью в России / В.Е. Эминов. – М., 2007. – 48 с.

REFERENCES

1. Gevorgjan G. Ethnic criminal groups. [Prestupnyje jetnicheskie formirovaniya]. *Zakonnost' – Legality*, 1999, no. 9, pp. 36–38.
2. Grib V.G., Larichev V.D., Fedotov A.I. Organized crime – different approaches to its understanding. [Organizovannaja prestupnost' – razlichnye podhody k ee ponimaniyu]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2000, no. 1, p. 48.
3. Dmitriev O.V. Economic crime and its counteraction in market system. [Jekonomicheskaja prestupnost' i protivodejstvie ej v uslovijah rynochnoj sistemy hozjajstvovaniya / Otv. red. M.P. Klejmenov]. Moscow, 2005, p. 41.
4. Dolgova A.I. Crime tendencies, organized crime and criminology. Crime, criminology, criminological protection. Edited by A.I. Dolgova. [Zakonomernosti prestupnosti, organizovannaja prestupnost' i kriminologija. Prestupnost', kriminologija, kriminologicheskaja zashhita / Pod redakciej d. ju. n., Professora A.I. Dolgovoj]. Moscow, 2007, p. 17.
5. Djatlovskaja E. Na lidera OPG «Uralmash» zavedeno novoe delo. Available at: http://www.infox.ru/business/crime/2009/02/18/Na_lidjera_Uralmasha.phtml.
6. Kvashis V. Crime as a global threat. [Prestupnost' kak global'naja ugroza]. *Juridicheskij mir – Legal world*, 2005, no. 10, p. 35.
7. Kulik V.B. Organized crime as social and legal phenomenon. [Organizovannaja prestupnost' kak social'noe i pravovoe javlenie]. Moscow, 2005, p. 53.
8. Larichev V.D., Pokamestov A.V., Shherbakov V.F. Definition and features of organized criminal activity in economy. [Ponjatie i osobennosti organizovannoj prestupnoj dejatel'nosti v sfere jekonomiki]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2003, no. 12, p. 37.
9. Luneev V.V. The XX Century crime: global, regional and russian tendencies. [Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii / Izd. 2-e, pererab. i dop.]. Moscow, 2005, pp. 603–604.
10. Luneev V.V. Crime in Russia: tendencies, counteraction effectiveness, forecast. [Prestupnost' v Rossii: tendencii, jeffektivnost' bor'by, prognoz]. *Organizovannaja prestupnost', terrorizm i korrupcija: kriminologicheskij ezhekvartal'nyj al'manah – Organized crime, terrorism and corruption: criminology quarterly almanac*, 2003, no. 3, p. 98.
11. Ovchinskij V. Criminological, criminal and organizational basis of counteraction to organized crime in Russia. Dissertation. [Kriminologicheskie, ugovovno-pravovye i organizacionnye osnovy bor'by s organizovannoj prestupnost'ju v Rossijskoj Federacii : dis. ... d-ra jurid. nauk]. Moscow, 1994, p. 17.
12. Pokamestov A.V. Responsibility for criminal activity organization. [Otvetstvennost' za organizaciju prestupnoj dejatel'nosti / Pod nauch. red. prof. V.P. Revina]. Moscow, 2002, p. 61.
13. Tret'jakov V.I. Organized crime in Russia: definition, features. [Organizovannaja prestupnost' v Rossii: ponjatie, priznaki]. *Rossijskij sledovatel'*. 2008, no. 7, p. 31.
14. Shhekochihin Ju., Gurov A. The lion jumped. [Lev prygnul]. *Literaturnaja gazeta – Literature gazette*, 1988, 20 July.
15. Jeminov V.E. Organized crime counteraction concept in Russia. [Konceptija bor'by s organizovannoj prestupnost'ju v Rossii]. Moscow, 2007, p. 27.

Сведения об авторе

Агапов Павел Валерьевич – ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент, Москва.

About the author

Agapov Pavel Valer'evich – Leading research worker of Problems in prosecutor's supervision and consolidation of legality in federal security, international relations and extremism Department of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Research Institute, Candidate of Legal Sciences, Associated professor, Moscow.